

О реальном времени и его честном скоморохе

РЕЦЕНЗИЯ

НА ОДНОЙ ИЗ ВСТРЕЧ, организованной обществом «Знание», выступал Олег Табаков. Ему задали традиционный вопрос — о любимых актерах. В профессиональной манере («мне близко творчество...», «мне нравится, как работают сегодняя...») он дал лаконичные и красноречивые характеристики некоторым своим коллегам. И вот ответ прозвучал, и Табаков взялся читать очередную записку, как вдруг спохватился, словно, проговорив о многом, не произнес самого главного:

— Да, извините: забыл. Есть еще один очень и очень талантливый, уникальный талант актер, которого я люблю... Петр Алейников.

(Петр Алейников был еще жив).

Больше ничего не было сказано об Алейникове, но интонация неожиданности оказалась сильнее того, что было сказано раньше. Запомнились именно эти слова, а не то, о чем увлечательно говорилось перед ними!

В этом внезапном извиняющемся воспоминании было нечто характерное, что не зависело от Олега Табакова, но зависело от времени. На обычной встрече, в бытовом диалоге актера со зрителями возник образ отношения к другому актеру, которого наконец-то и все-таки вспомнили.

О драматичной судьбе Алейникова говорили и писали.

Необыкновенно яркий и непрерывный в тридцатые и в первой половине сороковых годов след его творчества, выделенный всенародной любовью, стал потом тускнеть, слабый пунктиром прошел через пятидесятые годы, хотя и завершился в середине шестидесятых заметной вспышкой — в фильме «Утоление жажды» по роману Ю. Трифонова.

Причины видели в болезни актера; в том, что долгое время в нашем кинематографе выпускалось мало фильмов (да и то большей частью тизедущих). Но была еще причина. Она — в непонятно как узаконившемся в массовом искусстве обычая ограничивать творчество актера рамками однажды удачно найденного характера.

Только два режиссера дали Петру Алейникову возможность показать диапазон своего таланта. А. Роу увидел в нем Иванушку для фильма «Конек-горбунок», Л. Арнштам — Пушкина в фильме «Глинка». Думаю, комментарии излишни. Объяснение одно. Оно — в таланте, который

можно назвать и солнечным, и воплотившим в себе истинно народный характер. Талант этот — из пушкинско-есенинского ряда, когда в итоге абсолютно не видно напряжения работы, конструкции поиска, когда кажется, что это уже и не игра вовсе, а сама живая натура, легко вписавшаяся в искусство, ибо есть все, что искусство характеризует: и чувство, и мысль, и образ, и обобщение.

«Фантастическое человеческое устройство Алейникова», — сказал Алексей Баталов.

Впрочем, это уже сказано в фильме, который сейчас вышел на экран (и мгновенно с него, увы, сошел). Называется он «Петр Мартынович и годы большой жизни», а посвящен Алейникову.

Фильм сделали сценаристы Майя Туровская и Юрий Ханютин (они же делали «Обыкновенный фашизм» и фильм о Григории Козинцеве) и режиссер Никита Орлов.

Майя Туровская, вспоминая, как создавался сценарий о Козинцеве, писала, что в основу легли три способа показа героя: режиссер за работой (съемка «скрытой камерой»); режиссер отвечает на вопросы создателей фильма; и, наконец, о Козинцеве рассказывают его соратники, друзья и участники картины «Король Лир». «Вот какими тремя способами мы показали Григория Михайловича Козинцева. Я в это не включаю четвертый способ — показ его фильмов, потому что это уже есть показ его творчества, а не его характера».

На сей раз в распоряжении Туровской и Ханютина не было живого героя. И — ревнители документализма — они пошли за вырубкой к извечному вымыслу. На экране мы видим, как снимается художественный фильм о 30-х годах (вымышленная линия). Главную героиню играет Анна Алейникова, дочь замечательного актера. У нее не клеится роль и она обращается к друзьям отца, чтобы те рассказали, как работал отец. Рассказывают Борис Андреев, Аркадий Райкин, Сергей Герасимов... И кинорежиссер (Олег Ефремов), лабы понять своеобразие уходящей влать эпохи, тоже идет к реальным ее свидетелям и вершителям: к шахтеру Алексею Стаханову, поляристу Ивану Папаяну, футболисту Андрею Старостину, летчику Михаилу Грому, певцу Леониду Утесову...

Столкновение факта и вымысла, факта и легенды дает желанный эффект.

Старые лица рассказчиков

сменяются их молодым отражением, запечатленным в давней и слегка стершейся от давности кинохронике. А с кинодокументом неожиданно стыкуются кадры из фильмов, где играл Петр Алейников. И ты поражаешься этой точной рифмовке, этому органичному, почти незаметному сцеплению реальности и ее художественных оттисков. Первые же кадры — из герасимовского «Комсомольца» — воспринимаются как документальные. А смысл самих кинодокументов как бы уплотнен, сконденсирован пробежавшими годами, освобожден от излишней будничной мимолетности и праздничной суеты и уж без малейших усилий воспринимается как образное обобщение.

Вспоминаешь и иначе понимаешь другое совмещение факта и вымысла — яркое и показательное: некоторые режиссеры называли молодых героев, исполненных Алейниковым, именем и фамилией сыгравшего их актера.

Петр Алейников любил рядового честного труженика своего времени и талантливо расказал о нем на экране.

Сейчас время устами живых прототипов алейниковских героев рассказало о своем честном актере, помогло истолковать и объяснить редчайшее его обаяние и всеобщую любовь к нему.

Аксеном: настоящее искусство многомерно, рождает обилие ассоциаций. Эти ассоциации круговой порукой связывают явления, на первый взгляд, несоединимые. Увидев в фильме галерею героев Алейникова, думаю, что шукшинский Петр Лопухин — это повзрослевший Ваня Курский из «Большой жизни». Что данилевский Колька из «Я шагаю по Москве» очень похож на поваренка Петра Мартыновича Молибугу из «Семеро смелых» — похож своей веселостью, настырностью, щедростью и подлинной «сурьезностью», что скрывается за шутовством и балагурством. Что Пашка Колокольников Куравлева («Живет такой парень») — продолжение неумирающего алейниковского парня...

Не в этом ли — в невысказанном прямо разговоре определенности труда и таланта, нравственных ценностей и героики — содержание фильма «Петр Мартынович и годы большой жизни»?

Помимо всего прочего, фильм просто напомнил и расказал о талантливейшем человеке и художнике. А это — тоже многое значит.

В. КУЛИНИЧЕВ.